

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 50

1954



Сергей ВАСИЛЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЛИРИКА и САТИРА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЛИРИКА И САТИРА

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1954

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Сергей Александрович Васильев родился в 1911 году в Зауралье, в городе Кургане. Рос сиротой.

Учился в трудовой школе, затем переехал в Москву. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе советских писателей.

В летние каникулярные периоды С. Васильев обычно работал: был санитаром, грузчиком, рабочим ситценабивной фабрики, актером, литературным работником на радио.

Печататься С. Васильев начал в 1931 году, первая книжка стихотворений вышла в 1933 году.

В годы Отечественной войны С. Васильев — сначала в ополчении, затем в армейской печати — как поэт и корреспондент газет «Правда», «Известия», «Красная звезда».

На протяжении двух десятилетий С. Васильев опубликовал много сборников стихов, основными из которых являются: «Вторая книга стихов», «Великая Отечественная», «Портрет партизана», «Москва советская», «Избранное», «Взирая на лица» (литературные пародии и эпиграммы), «Песни», «Родина крылатых».

С. Васильев—член КПСС. Награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За отвагу».

РОССИЯ

Люблю тебя, моя Россия,
за ясный свет твоих очей,
за ум, за подвиги святые,
за голос звонкий, как ручей.
Одною общею судьбою
навек связанный с тобой,
горжусь, как матерью, тобою,
благословляющей на бой.
В минуту горя, в час разлуки
целую мысленно всегда
твои натруженные руки
в часы бессменного труда.
В глухую ночь грозы военной
и в светлый полдень торжества
несу в себе, как дар бесценный,
огонь великого родства.
В землянках, в избах и в хоромах
равно прекрасен твой наряд.
Люблю буран твоих черемух
и твой червонный листопад.
Люблю твои луга и нивы,
прозрачный зной твоих равнин,
к воде склонившиеся ивы,
верха пылающих рябин.
Люблю тебя с твоей тайгою,
с непроходимым камышом,
с великой Волгою-рекою,
с могучим, быстрым Иртышом.
Люблю, глубоко понимаю
степей задумчивую грусть.
Люблю все то, что называю
одним широким словом: Русь.
Но я пою и славлю ныне
не твой ромашковый покой,
я славлю Русь, как героиню,
как землю гордости людской.

Люблю тебя, моя Россия,
за твой характер боевой,
за испытанья грозовые,
за величавый облик твой.
Люблю за то, что первой в мире,
законы рабства истребя,
бесправья тягостные гири
ты гневно сбросила с себя.
Что на развалинах царизма
своею собственной рукой
воздвигла ты, моя Отчизна,
мир справедливости людской.
И в час, когда пора настала
оборонить его в бою,
ты в полный рост отважно встала
за правду вечную свою.
Люблю тебя за то, что снова
в борьбе свободу ты спасла,
что ты решающее слово
с мечом в руках произнесла.
Что, победив, стряхнув усталость,
неколебима и тверда,
ты вновь примером оказалась
на стройке мирного труда.
Твои штыки на солнце блещут,
твои огни в ночи горят,
перед тобой враги трепещут,
тебя друзья боготворят.
Твоя ликующая сила
под сенью стягов огневых
объединила и сплотила
семью республик молодых.
Не счесть теперь твои богатства,
не разомкнуть священных уз,
не разделить знамена братства
и не расторгнуть их союз.
Прямым путем деяний славных
ты с честью вышла на простор
по праву первой среди равных
своих пятнадцати сестер.

1946.



ЛИРИКА

В ЛЕСУ

Нет, что бы домоседы мне ни пели, —
навстречу искрометному лучу
в воскресный день,

в свободный день недели,
я все равно за город укачу.
На ясный праздник утра расписного,
в немолчный грай,

в зеленый рай лесной,
за сотню верст от шума городского
на нежное свидание с весной.
Не называй меня угрюмым нелюдином,
в хоромы-терема не зазывай.
Окутанный весенним теплым дымом,
мне дорог лес,

как дорог отчий край.
Под заповедным тополем плечистым
готов я недвижимо наблюдать
пронизанную щебетом и свистом
лесной зари застенчивую стать.
И дятла стук

раскатисто-протяжный
на одиноком ясене сухом,
и муравья

поспешный бег отважный
по голому песку порожняком,
и влажных листьев тонкое свечение,
и робких трав сквозное волокно —
все, все прямого смысла, и значенья,
и откровенья доброго полно.
На смену отпылавшему закату
выводит время легкий диск луны.
И вот уже, созвездьями богата,

ступает ночь по тропам тишины.
Легла роса на лиственную крышу,
выходит крот, надежной тьмой укрыт.
Задумчив лес.

И скоро я услышу
трель соловья, поющего навзрыд.



ГОЛУБИ

Прилетают голуби
на мое окно.
Я им сыплю ядрицу
и пшено.
Сыплю хлеб размоченный,
сыплю коноплю,
потому что с детства я
голубей люблю.
Прилетают разные,
чаще сизари
в розовых нагрудниках,
словно цвет зари.
Прилетают желтые
франты-хохлачи
с шелковыми крыльями,
как из чесучи.
А иной раз явятся
(принимать изволь!)
медленные, важные,
черные, как смоль.

Миновали зимние
вьюги у окна.
Все карнизы начисто
вымыла весна.
— Гули, гули, гуленьки! —
зазываю я. —
Кушайте, пожалуйста,
досыта, друзья!
Кушают — да как еще —
час и два подряд,

от души по-своему,
вслух благодарят.
Ходят, низко кланяясь
и раздув зобы,
и несутся в комнату
круглый звук трубы,
перекат горошины,
долгий вздох струны...

Милые, хорошие
гости-воркуны!
Слушаешь, и кажется,
что опять ты юн,
заводила, песельник,
говорун, плясун.
Смотришь — не насмотришься
сквозь заслон стекла
на заветных вестников
света и тепла.



НАД ОКОЙ

М. Бубеннову.

Гуси, утки летят над Окой.
Потеряли мы с товарищем покой.
Сели в лодку и на весла налегли,
да застряли возле вербы на мели.
Разлилась Ока на двадцать верст окрест,
но не видно под волною мелких мест.
Справа — льдина, слева — льдина,
берег где, где середина —
не поймешь на быстрине, хоть волком вой.
А чирки летят над самой головой.
Свистом крыльев рассекают высоту,
словно дразнят нас, бродяги, на лету:
дескать, что же вы, товарищи-друзья,
так на зорьке канителиться нельзя,
не видали мы таких в разлив Оки,
а еще кричите: — Мы! Сибиряки!
Ледоход шумит на солнце, ледоход!

Под разгневанным лучом сломался лед.
Что поделаешь, из лодки надо прочь,
в ледяной воде вперед ее волочь...

...Не жалеет мы ни капельки о том,
что мокры стоим на берегу крутом,
что спина уже от холода гудёт,
что зуб на зуб на ветру не попадет.
Много селезней летело мимо нас,
да удача миновала в этот раз.
Не сбылось, не состоялось торжество:
не убили мы из них ни одного.
Слава богу, что хоть вышли на подъем,
что дрожим не в одиночку, а вдвоем,
что судьбу придется вновь благодарить,
что возможность есть охоту повторить.
Выжмем воду — это, право, не беда:
это все-таки проточная вода!



ПО ПОВОДУ РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Тот, кто сиживал у речки
на рассыпчатом песке
в облюбованном местечке
с легкой удочкой в руке:
тот, кто лавливал на зорьке
окуньков или ершей,
кособокое ведро
наполняя до ушей
скользкой живностью колючей,
красноперой мелюзгой,
удивительно живучей,
соблазнительно пахучей
и увертливой такой;
тот, кто варивал, бывало,
золотистую уху
и, наевшись до отвала,
засыпал на берегу
под мохнатую ветлою
молодым, заветным сном,
весь накрывшись с головою

затрапезным чепаном, —
тот, кто все изведаль это,
тот поймет без лишних слов,
что такое час рассвета,
заревой, хороший клёв!
Ну, а тот, кто не изведаль
этой прелести земной,
кто гордится, как победой,
крупной рыбой попойной,
кто не то чтоб спать у речки
под прикрытием ракушек,
а под шубой да у печки
примоститься норовит, —
я хочу такому дяде,
с глазу на глаз говоря,
непреложной правды ради
убежденно молвить: — Зря!
Зря, товарищ, вы живете
от природы вдалеке,
как шмуцтитул в переплете,
как чеплашка в сундуке!
Говорю вам не для смеха:
не хотите ли со мной
под Абрамцево поехать
на рыбалку в выходной?
Сквозь витые птичьи трели,
мимо елей-пирамид
прямоком почти до цели
электричка нас домчит.
То-то будет праздник, то-то
смех и шутки без конца!
Закипит у нас работа
на червя и на живца.
Чистым воздухом подышим,
в тесном царстве ивняка
песню иволги услышим,
а в осоке — кулика.
Все на свете испытаем,
до заката посидим...
Если сами не поймает,
на счастливец поглядим.
Будем ахать, волноваться,
бить друг друга по плечу.

Впрочем, можете остаться
и у печки наслаждаться,
я неволить не хочу.



ВДВОЕМ

Опять, опять в Москве весна,
душистый тополь у окна,
опять зовет Москва-река
бродить вдвоем, в руке рука.
Пускай апрельская вода
обиды смоем навсегда,
пускай приветствует скворец
союз отходчивых сердец...

Ведь мы не только влюблены,
мы по-весеннему дружны,
а дружбе, друг мой, нет цены,
как нет преграды для весны.
Как люблю нам стоять с тобой
у этой глади голубой,
как водный путь широк и прям,
ведь он ведет к пяти морям!



МОЛОДОЖЕНАМ

Что же вы опять не поделили?
Врозь сидите, ссоритесь, поди?
Крик грачей тому причиной? Или
виноваты частые дожди?
Ведь недавно свадебный подарок
я искал вам, выбившись из сил,
и под звон товарищеских чарок
задушевный тост произносил!

Под Москвой за каждым поворотом
пожелтевших листьев письмамена...

Но у вас-то, по моим подсчетам,
в полном блеске ранняя весна.
Где же ваша радость, не пойму я,
где цветы в квадратах ясных рам?
Где он, смех, и звуки поцелуев,
чтение вслух стихов по вечерам?
Где она, сиреневая зорька,
трепет сердца и сиянье глаз?
Неужели крик на свадьбе: «Горько!»
приобрел буквальный смысл для вас?
Дело ваше личное, конечно,
и не мне судить вас и рядить,
что внезапно так и быстротечно
стала рваться тесной дружбы нить.
Я и не завел бы разговора,
обошел бы вас за полверсты, —
просто жаль мне редкого подбора,
тополиной вашей красоты.



ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

Умолкают вечерние птицы,
а в читальне, что окнами в сад,
как кленовые листья, страницы
на широких столах шелестят.
Опираясь о книжную полку,
вы стоите,
и вам невдомек,
что любитесь вами подолгу
молчаливый один паренек.
Из читальни идет он, как пьяный,
по аллее к себе на завод.
То вас с Ольгой сравнит,
то с Татьяной,
то Джульеттой своей назовет.
И проносит он образ ваш милый
в жарком сердце
по вешним садам
и в мечтах, как Руслан за Людмилой,
всюду мчится по вашим следам.

То несут его тучи, то кони,
то орлы помогают в пути.
И от пламенной этой погони
вам едва ли удастся уйти.



ВСТРЕЧА

Кузнечики трещат. Стоят стога.
Жара, жара! Границы нету зною.
Висит над полем сокол-пустельга,
и вечные ромашки, как снега,
спят глаза нещадной белизною.
Жара, жара! Она еще с утра
равнины Подмосковья одолела:
Спина шоссе нагрета до предела.
Июнь в соку — прекрасная пора!
Везут в брусках тяжелый, дымный лед.
Кусты и травы дружно грезят громом.
За самолетом кружит самолет
над Внуковским аэродромом.
Как в доброй сказке, ясной и простой,
один из них приносит нам Хикмета.

И вот стоит он, друг наш дорогой,
в лучах любви, посередине лета.
Во все глаза глядим мы на него,
и почему — еще не знаем сами —
в счастливый час большое торжество
заслонено внезапными слезами.



ПЕРВЫЙ В МИРЕ

(Из поэмы)

«Первый в мире» — поэма о великом русском ученом-изобретателе, создателе первого в мире самолета, А. Ф. Можайском.

В первом отрывке автор рисует картину самоотверженного полета А. Ф. Можайского на змее оригинальной конструкции, полета, который явился для изобретателя важнейшим этапом в его творческих поисках.

Второй отрывок повествует об испытании уже готового самолета.

I

День выдался ветреный. Вербы шумели.
Чернели размывы весенних дорог.
И острый,

как это бывает в апреле,
с открытых полей набегал холодок.
Но в трепетном воздухе дружно и стойко
бродил уже запах замлевших ветвей.
На ветер стремительно

вырвалась тройка
впряженных в телегу гнедых лошадей.
Но встречных людей поражал не ямщик,
не то,

что, как волки,
неслись пристяжные
и чертом глядел под дугой коренник.
Нет,

люди увидели в небе впервые,
как, лбом рассекая
крутящийся снег,

над полем

летел

плоскодонник дощатый.

А в нем,

на открытой площадке покатоЙ,
лохматый, как демон, сидел человек!
К тяжелой телеге привязана ловко,
почти вертикально,

гитарной струной
к далекому змею тянулася веревка,
а кони несли и несли по прямой.
Звенел молодой колокольчик казенный,
и комья разбухшей земли потрясенной
летели взмахлест из-под конских копыт
на сучья

сухих придорожных ракиТ.
Еще издалуче такое замечаТ,
крестились старухи, разинувши рты.
Зато молодые визжали, как дети,
бросали ушастые шапки на ветер,
и птицы шарахались смаху в кусты.
— Гони! Нажимай! —

горячился лохматый.
Откуда-то сверху летел его крик.
— Задохнемся, барин! —

в ответ виноватый
с телеги ему откликался ямщик,
и часто хлестал лошадей одичалых,
и выЛ,

и свистел,
ошалев от езды.
Телега, гремя, миновала пруды
и только на голых полыннх увалах
замедлила бег...

У озерной воды,
в густых камышах,
приземлился Можайский,
ощупал помятого змея бока,
расправил промасленный шелк по-хозяйски
и крепко,

по-братски обнял ямщика.
Смущенный мужик с сыромятною плетью
обласканный барином, вовсе не знал,
что он свою тройку залетную гнал
не просто по тракту,

а прямо в столетья.

II

В окрестностях Питера, в Красном селе,
в июле, в отменно сухую погоду,
за новым забором на голой земле
стоял самолет головою к восходу.
Едва только зорька над полем взошла
и в роще ударил топор дровосека,
под сенью простертого в просинь крыла
сошлись озабоченных три человека.
Три верных помощника.

(Им до утра
вчера не спалось и позавчера
дремать не дремалось до ласточек ранних.)
Два опытных мастера, два столяра,
и смелый умелец,

бывалый механик.

— Пока самого-то еще не видать,
давайте покрепче, товарищи-други,
проверим рули да подтянем подпруги...

— Силен получился!

— Силен... Благодать!

— Ведь сколько деньжищ-то убухано!

Страсть!

— Уж ты его, братец,

веди аккуратно!

— А вдруг упадет он?

— Не должен упасть! —

под самым крылом появляясь внезапно,
вставляет четвертый, лукаво смеясь.

Четвертый —

он тоже сегодня чуть свет
вскочил со своей беспокойной постели.
Он был в полотняную робу одет,
глаза воспаленно и жадно блестили.

— Ну, как?

Не качается первенец наш?

— Стоит, не качается!..

— Честное слово?

— А ну-ка, проверь, не слабеет ли тяз,
прогреем на малых...

— Готово?

— Готово!

И вновь и опять он нажимом руки
приводит сердца механизмов в движение,
настойчиво пробует все рычаги
и слушает пульса стального биенье.
Кипит, нарастает дневная работа —
испытан и выверен каждый пустяк,
но все же Можайскому кажется: что-то
в отдельных деталях как будто не так.
Можайский донельзя пропах керосином,
смешались за воротом копать и пот...

А в небе июля,

погожем и синем,
высокое солнце на полдень идет.
Безветренным зноем нещадно палимы,
у взлетной дорожки уже собрались
взволнованный Спицын,

профессор Алымов
и много других уважаемых лиц.
Ученые люди.

Военная знать.

Ну, что же!

Приблизился час испытанья.
Держись, капитан,

только, чур, не пенять,
пора наконец уяснить и понять,
что подан сигнал исполнения желанья.

* * *

Он разом поднялся над тихой толпою,
веселый,

открытый,

простой, как всегда.
Помедлил немного, тряхнул головою
и громко, с душой произнес:
— Господа!

Мы должны восторг отдаем появленью
воздушного шара.

Но как его бег
направить вперед не по злому веленью
случайного ветра, а в том направлении,
в котором желает лететь человек?

Столетиями дерзкие люди земли
на разных широтах огромного света
упорно и долго искали ответа
на этот вопрос.

И найти не смогли.

Но надо ж кому-то ответить! Ведь надо!
Довольно по ветру летать без рулей!
И тут победит не словесный елей,
а мощная тяга такого снаряда,
чтоб воздуха был он всегда тяжелей.
Признаюсь:

мой путь был тернист и тяжел,
я насмерть сражался с теорией ложной,
измучился в поисках силы надежной.
И я,

господа,

эту силу нашел!

Я прежде всего благодарен друзьям,
всем тем, кто в тяжелую, горькую пору
крепил во мне веру, давал мне опору...
Можайский поднес было руку к глазам,
почувствовав близкие слезы, смутился,
но взял себя в руки, вздохнул, оживился:
— Я кланяюсь тем, кто поверил в мечту,
кто вместе со мною надежду упрочил:
друзьям морякам,

инженерам,

рабочим,

которых вы видите здесь, на посту.
Я счастлив сегодня, я искренне рад
и верю, что вы эту радость поймете...
Сейчас вы увидите мой аппарат
в полете!

Придет еще время, я знаю, придет, —
Россия расправит широкие плечи,
и вылетит

утренней правде навстречу
ее от рожденья крылатый народ!
При этих словах его голос взлетел
на самую верхнюю, звонкую ноту,
как будто упрямо окликнуть хотел
всю землю,

весь мир, погруженный в дремоту.

Вся жизнь,
как буран,
пронеслась перед ним.
Все ранние радости, все огорченья,
хождение по мукам, по тропам глухим.
Но это теперь не имело значенья.
Эх, сесть бы сейчас самому на корму,
ведь есть еще силы немалый остаток!..
Эх, если б ему полететь самому!
Да поздно...

Шестой истекает десяток.

Все в полном порядке.

Открыты ворота.
Снаряд водружен на дощатый настил.
— Ну, пробуем, с богом! —

Винтов обороты
достигли предела. Как конь без удил,
крылатый, поджарый,

закутанный в дым,
снаряд словно чуял открытое поле.
И все, кто стояли вокруг, поневоле,
не смея вздохнуть, любовались им.
Проснулась в машинах могучая сила,
снаряд весь напрягся,

запел,
задрожал
и, как бы очнувшись, легко побежал
по твердой дорожке прямого настила,
по струганым доскам,

с уклона,
с уклона.

Мгновенье —

колеса вприпрыжку пошли
навстречу ромашкам, над кромкой зеленой,
и вдруг отделились от грешной земли.
— Летит! —

раздалось над полынным простором.
— Смотрите же!

Честное слово, летит!
В едином порыве, с веселым напором
«Ура!» раскатилось.

Не помня обид,

не чуя от радости ног под собою,
внезапно и сказочно став молодым,
Можайский бежал за созданием своим,
за тяжелой, прекрасной своею судьбою,
за гордой мечтой, завоеванной с бою,
за первой, последней любовью хмельною,
за ясным, волшебным рождением вторым.
Бежал, как безумный, не чувствуя ноши,
всей грудью дыша,

приминая цветы,
не видя, не слыша, как били в ладоши,
как в знойное небо цветистой порошей
летели фуражки,

перчатки,

зонты.

Бежал, как безусый юнец, без оглядки,
шепча неуступчивой клятвы слова,
по знойному полю до места посадки,
до ближней межи своего торжества.
Его поздравляли,

его обнимали,
бросали ему за вопросом вопрос,
но он поздравляющих видел едва ли
сквозь радостный ливень

прорвавшихся слез.

В тот день он, конечно, и думать не мог,
что вскорости будет обманут, оболган,
что счастье его погрузится надолго
в глухое безвременье, в бездну тревог,
что подвиг его будет продан и предан
и злобным стараньем чужих языков
объявлен обычным несбыточным бредом
и заперт от правды на тыщи замков.



ПЕСНИ

ДОРОЖНАЯ

Лучами красит солнышко
стальное полотно.
Без устали, без устали
смотрю, смотрю в окно.
Леса, равнины русские,
пригорки да кусты,
платформы деревянные,
железные мосты.

Любимая, знакомая
зеленая, бескрайная,
земля родная — Родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видано,
эх, сколько мною пройдено —
и все вокруг мое!

То фабрика кирпичная —
высокая труба,
то хата побеленная,
то в поле молотба.
И все то сердцу дорого,
и нет версты такой,
поселка или города,
чтоб был тебе чужой.

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — Родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видано,
эх, сколько мною пройдено —
и все вокруг мое!

Уже роса за стеклами,
уже видать луну,
а я стою прикованный
к вагонному окну.
Уже пора освещивать
ночному фонарю,
а я гляжу на сумерки
и тихо говорю:

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — Родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видано,
эх, сколько мною пройдено —
и все вокруг мое!



БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Я помню, ранило березу
осколком бомбы на заре.
Студеный сок бежал, как слезы,
по изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,
клубился дым пороховой.
Но мы столицу отстояли,
спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весной
береза белая опять
оделась новою листвою
и стала землю украшать.

И с той поры на все угрозы
мы неизменно говорим:
родную русскую березу
в обиду больше не дадим!



ПОДМОСКОВЬЕ

Столбовая дорога прямая
на Москву по равнине бежит.
В заповедных цветах утопая,
Бородинское поле лежит.
Здесь омыта бесценною кровью
нашей гордой победы заря.
Подмосковье мое, Подмосковье!
Дорогая навеки земля!

Осыпаются кленов вершины,
стаи горлиц летят на Можай.
И везут на рассвете машины,
небывалый везут урожай.
Все здесь дышит счастливою новью,
обнялись деревья, как друзья.
Подмосковье мое, Подмосковье!
Дорогая навеки земля!

Горячи трудовые ладони,
неоглядны поля и леса,
широки переливы гармонии
и веселых девчат голоса.
Постоянно с горячей любовью
повторяю с волнением я:
Подмосковье мое, Подмосковье!
Дорогая навеки земля!



НА РЕКЕ ТОБОЛ

Не быстра река Тобол и не светла,
на степном ветру качается ветла.
Не быстра река Тобол, не глубока
и ничем-то не прославлена пока.
Обошли Тобол и слава и почет,
потихоньку подо льдом себе течет,
добирается, журча да не спеша,
до широкого красавца Иртыша.
Вечереет над Тоболом, над рекой,
возле проруби безмолвье и покой.
Как оглянешься — как будто ни души

но уйти с Тобола сразу не спеши.
С бисеринками-дробинками в очах,
с самодельным коромыслом на плечах,
в подшивных пимах шагает от моста
северяночка, гордячка-красота.
На пуховом полушалочке снежок,
на шубейке — опояска-ремешок.
Больно девушка приметна и мила,
видно, гостья из колхозного села.
Уж как был бы я да парень холостой,
непременно бы сказал я ей: «Постой!
Ты постой, постой, красавица моя,
дай мне наглядеться, радость, на тебя!»



ПРИХОДИТЕ СВАТАТЬСЯ!

На селе обо мне разговору:
дескать, девушка идет прямо в гору!

Приходите свататься,
я не стану прятаться.
Я невеста неплоха,
поджидаю жениха!

Выйду в поле одна — не теряюсь,
за троих молодцов управляюсь.

Приходите свататься,
я не стану прятаться.
Я невеста неплоха,
поджидаю жениха!

Стану песенки петь — парни тают,
за рекой соловьи подпевают.

Приходите свататься,
я не стану прятаться.
Я невеста неплоха,
поджидаю жениха!

Я иду на виду у растущих
и веду в поводу отстающих.

Приходите свататься,
я не стану прятаться.
Я невеста неплоха,
поджидаю жениха!



САТИРА

ЦИТАТЧИК

Митрофану Лукичу
все задачи по плечу.
Он, постигнувший истмата
категорий мудрых круг,
носит звание кандидата
исторических наук.
Он ученый журналист,
массовик-пропагандист.
Он на редкость шустро пишет,
за листом изводит лист.
Поступая бойко так,
он строчит про Рим и Шую
и кладет статью большую
на редакторский верстак.
С виду рукопись богата,
а копнешь ее до дна —
тут цитата,

здесь цитата,
и еще вон там одна.
И бредут рядом, скучая,
от тире до запятой
Чернышевский,

Докучаев,
В. Ключевский
плюс Толстой.

Митрофану Лукичу
все задачи по плечу.
В тишине аудиторий
излагает он с листа
философских категорий
знаменитые места.
Любо-дорого послушать,
как, заманчиво журча,

прямо в уши,
 прямо в души
льются трели Лукича.
Речь научна и крылата
и прозрачна вся до дна —
тут цитата,

 здесь цитата,
и еще вон там одна.
Митрофану Лукичу
все задачи по плечу.
Выбрав место наудачу
в молодом березняке,
он такую сгрохал дачу
от реки недалеко,
что стоит она, родная,
белым камнем и резьбой
не шутя напоминая
ледяной дворец собой.
Слева — пашни, справа — роща.
И под шепот ветерка,
задыхаясь, хвалит теща
просвещенного зятя.
Не поверит тетя Настя,
взор на зятя обратив,
что ее земное счастье
строит целый коллектив,
что на дачников-хозяев
сыплют дождик золотой
Чернышевский,

 Докучаев,
В. Ключевский
 плюс Толстой.
Митрофану Лукичу
все задачи по плечу.
Гордым званьем кандидата
мощь его утверждена.
Тут цитата,

 здесь цитата,
и еще вон там одна.
Но зачем грешить, не скроем:
трудно, бедному, ему,
жуть берет, когда порою
надо думать самому.

Как-то раз его спросили:
— А скажи-ка, Митрофан,
на какой основан силе
новый пятилетний план?
Скажем прямо, откровенно:
поперхнулся кандидат,
но нашелся и мгновенно
двинул в дело вдохновенно
вихрь спасительных цитат.
И при всем честном народе,
глядя грозно со стены,
утомленные в походе,
бородачи и бледны,
головами покачали
изнуренной чередой
Чернышевский,
Докучаев,
В. Ключевский
плюс Толстой.

Посочувствуем собрату!
Как похож он, наш Лукич,
на истертую цитату —
хоть кавычь, хоть раскавычь.



УНИВЕРСАЛ

Петр Семенович Щелчок
однозвучен, как сверчок.
Ходит он чуть-чуть вприпрыжку,
на ходу читает книжку,
носит шляпу набочок.
Как с горы ручей в апреле,
мчится славушка за ним:
Петр Щелчок в газетном деле
(Да!
Да!
Да!)
незаменим.

Скажем прямо, откровенно:
нет ему ни в чем преград!
Может сделать он мгновенно
капитальный реферат,
так сказать, напропалую
написать передовую,
посвятить жизнь-бытью
двухподвальную статью,
сгрохать бойко репортаж
про удой и вернисаж,
быстро очерк настрогать
про болото и про гать.
Сочинять Щелчок силен
про поливку и про лен,
сплавать в Горький,
съездить в Ригу,

натошак

слетать в Ростов,
разобрать спектакль и книгу
Петр Семенович готов.
Словом, много ли, немного, —
все он может, видит бог,
даже то, чего не могут
братья Тур и сестры Кох.
Все он может — спора нет!
Но...

похож на винегрет,
на солянку из цитат
капитальный реферат,
пахнет книжной кладовой
от сухой передовой,
двухподвальная статья
рыхловата, как кутья,
ощутима рыхлость даже
в кратком бойком репортаже,
ибо данный репортаж
чей угодно, но не наш:
захватив на главном месте
незаконные права,
восседают на насесте
иностранные слова.
И торчат они, как пеня,
вызывая удивленье,

словно в северном саду
попугаи какаду.
С именами ровным счетом
Петр Семенович на ты.
Со своим большим блокнотом
он за каждым поворотом
видит цель за полверсты.
Что ж поделаешь с натурой:
вездеход-универсал!
Все пронизано халтурой,
что бы он ни написал.
Ни огарок, ни светильник —
строчкогон, подстать жучку.

Так и плачет подзатыльник
по маститому Щелчку.



БАРАН-БАСНОПИСЕЦ

В один журнал принес один Баран
одну плохую побасёнку.
Редактор с ходу взят был на таран.
И вот в журнале,
на одну колонку,
с рисуночком в кудряшках завитых
был обнародован немудрый стих.
Не басня, так — трава-пырей, сырье:
Ослы... Козлы... такие и сякие...
Казалось бы, зачем ругать ее,
ведь пишут же про разное зверье
и Михалков и прочие другие.
Прочтешь — зевнешь. Случается — вздремнешь
и позабудешь стадо зоопарка.
Зверям, оно, конечно, невтерпеж,
но людям-то ни холодно, ни жарко.
Ни ложь, ни быль, ни молодцам урок.
А звери — стерпят.
Ан не тут-то было!
Пустышку-басню прочитал Сурок,

Медведь,

Енот,

Слониха

и Кобыла.

Сурок сказал:— Мне баснописца жаль.

Он просто глуп...

Медведь взревел от злобы:

— Уж кто бы кто читал зверям мораль,
а то—Баран!!! Рожденный твердолобым!!!

Постой, ужо! Намну ему бока!

Ведь он, мудрец, испортил всю природу:

Корова в басне рвется в облака,

Козел спешит в нору, а Заяц тянет в воду!

Енот заметил:—Что-то не пойму.

Действительно, есть фауна и флора,

а кто, зачем, откуда, что к чему—

не разберешь без помощи суфлера.

Все бойко, гладко, виден рифмы след,

но вот беда: ни злости, ни подъема,

ни адреса, а главное, что нет

в помине даже свежего приема!

— Прием-то стар, да автор, видишь, нов!—
сказала помрачневшая Слониха.

И, поразмыслив, заключила тихо:

— Сам, вишь, Баран, а брешет про слонов!

Кобыла вскипятилась:—И-го-го!

Подумайте, ни фабулы, ни смысла — ничего!

Овечий слог и сплошь видны копыта,

а суть, наверно, курдюком прикрыта!

Ах, рифмогон! Рогатый лиходей!

Да этих серых басен пруд пруди в продаже!

Мы столько натерпелись от людей,

а тут — свой брат Баран — и на тебе, туда же!

Коль пишешь басню, праздно бормоча,
без цели, без ума, неведомо для ча,—
похвал не жди, в избе ли ты, в хлеву ли.
Слыхал я, что Барана-рифмача
животные в бараний рог согнули.



ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ

Бедь еще совсем недавно
каждый был Федоту рад:
— До чего ж работник славный!
— Золотые руки!
— Клад!

Славу добрую такую
заслужил трудом Федот.
Но теперь о нем толкуют
все подряд наоборот:
— Как Федот?
— Дошел «до ручки»!
— Просит трешку на табак!
— От полочки до полочки
не дотянет он никак!..
Что же с ним, скажи на милость,
непонятное случилось?
Может, рухнуло здоровье?
Может, хворь печенку ест?
Худосочье?

Малокровье?
Подкачал обмен веществ?
Сто вопросов с запятой,
а ответ один простой:
словно воду, водку пьет
уважаемый Федот.
В горле — горько, в сердце — мутно,
белый свет не мил спяна.
Пьет «сподручно», пьет «попутно»,
пьет ко сну и пьет со сна.
Шкандыбает вдоль дороги —
и смешон и жалок вид,
«уши врозь, дугою ноги,
и как будто стоя спит».
День за днем — все в том же стиле:
в праздник пьет и в будни пьет.
Словно парня подменили:
был Федот, да стал не тот!
В чем загадка? Где причина?
Почему «дошел» мужчина?
Может, выдохлась натура?
Отчего в любые дни

у него температура
сорок градусов в тени?
Вопрошать сто раз не след,
тут всего один ответ:
человек пьянчужкой стал,
честь и совесть потерял.
Опустился, развинтился,
не к лицу опух лицом
и, как в сказке, превратился
в помесь швабры с огурцом.
Мысли тусклы, фразы резки,
и печален их улов,
как колбасные обрезки
с опрокинутых столов.
Что же делать с человеком?
Как же быть?! А так и быть:
не спешить к нему с «Казбеком»
и «по-свойски» с ним не пить,
возле стойки не «балакать»,
«по-простецки» не «жалеть»,
не месить сочувствий слякоть
и «по-дружески» не петь:
«В жизни всякое бывает!
Нет копейки без рубля!
На пол-литра не хватает?
Пустяки! Добавлю я...»
Не соперничать в подачках,
безответственно не лгать,
что порой и на карачках
можно трезвых обогнать.
Ни «московской», ни «столичной»
в рот ему не подливать,
в собутельниках «приличных»
вместе с ним не пребывать.
Не сластить коньяк компотом!..
Вот тогда-то в меру сил
станет наш Федот Федотом,
тем, которым прежде был.



СО Д Е Р Ж А Н И Е

Россия	3
Лирика	
В лесу	5
Голуби	6
Над Окой	7
По поводу рыбной ловли	8
Вдвоем	10
Молодоженам	10
Пришла любовь	11
Встреча	12
Первый в мире	13
Песни	
Дорожная	20
Белая береза	21
Подмосковье	22
На реке Тобол	22
Приходите свататься!	23
Сатира	
Цитатчик	24
Универсал	26
Баран-баснописец	28
Федот, да не тот	30

Редактор — **Г. ЯРЦЕВ.**

А 06281. Подписано к печати 2/XII 1954 г. Тираж 150 000. Заказ 2902.

Изд. № 1037. Формат бумаги 70×108 $\frac{1}{2}$. 0,5 бум. л. — 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.

ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ СПОСОБСТВУЮТ
ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

П Р И Н И М А Ю Т В К Л А Д Ы
до востребования, срочные, вы-
игрышные, условные и на текущие
счета;

В Ы Д А Ю Т В К Л А Д Ы
по первому требованию
вкладчиков;

П Е Р Е В О Д Я Т В К Л А Д Ы
из одной сберегательной кассы
в другую;

В Ы Д А Ю Т И О П Л А Ч И В А Ю Т
А К К Р Е Д И Т И В Ы .

По вкладам, внесенным в сбе-
регательные кассы, вкладчикам
выплачивается доход в виде
процентов или выигрышей.

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ!

